

А
СЕРГѢЙ МАКОВСКІЙ

~~Д 128~~
~~756~~

(6 в.м.)

Л 7
163

СТРАНИЦЫ
ХУДОЖЕСТВЕННО-
КРИТИКИ

НЕ КОПИРОВАТЬ

КНИГА
ПЕРВАЯ

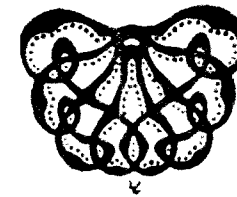
СПЕТЕРБУРГЪ

1906

А

А

МЫСЛИ И ВПЕЧАТЛѢНІЯ О ХУДОЖЕСТВЕННОМЪ ТВОРЧЕСТВѢ СОВРЕ- МЕННАГО ЗАПАДА...

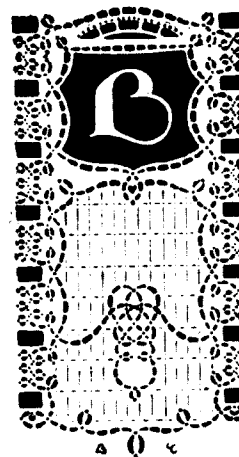
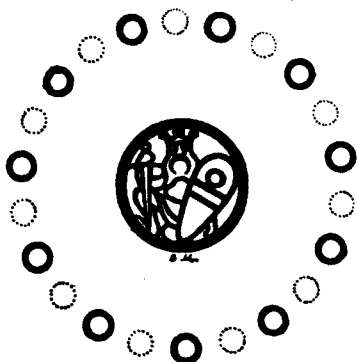

35012-43

Товарищество Р. Голике и А. Вильборгъ.

Въ эту книгу вошли мои статьи и замѣтки объ иностранныхъ художникахъ, появлявшіяся, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, на страницахъ нѣсколькихъ журналовъ. Издавая ихъ подъ однимъ заглавіемъ, многое я исправилъ и дополнилъ, кое что переработалъ заново; нѣкоторыя главы печатаются теперь впервые. Все же, содержаніе книги остается случайнымъ. Читатель не найдетъ въ ней ни руководящихъ взглядовъ строго-критическаго характера, ни общей оцѣнки современнаго творчества на Западѣ. Передъ нимъ почти исключительно—краткіе *comptes rendus* о тѣхъ вполне личныхъ впечатлѣніяхъ и настроеніяхъ, какія я испытывалъ во время заграничныхъ скитаній по выставкамъ и музеямъ. Можетъ быть, эти настроенія побудятъ, хоть отчасти, русскихъ культурныхъ людей (обычно столь далекихъ отъ вопросовъ эстетики) вдуматься серьезнѣе въ красоты нынѣ возрождающагося искусства. Вотъ—надежда, дающая мнѣ смѣлость рассчитывать на вниманіе немногихъ друзей художества въ Россіи.

ВНѢСТО ВВЕДЕНІЯ

СЕ пройдетъ, все исчезнетъ, высочайшій санъ, власть, всеобъемлющій геній, все разсыплется прахомъ... Все великое земное разлетается какъ дымъ...

— но добрыя дѣла не разлетятся дымомъ; они долговѣчнѣ самой сіяющей красоты: «все минется, сказалъ апостолъ, одна любовь останется».

Вы помните? Такъ кончаетъ Тургеневъ свою рѣчь: Гамлетъ и Донъ-Кихотъ. Эти заключительныя слова — больше, чѣмъ личное признаніе. Они характерны вообще для русскаго эстетика. «Добрыя дѣла долговѣчнѣ самой сіяющей красоты». Къ этому свелись размышленія большаго русскаго художника о творчествѣ двухъ величайшихъ художниковъ міра. Развѣ другіе не выражались еще опредѣленнѣе?

Русскій эстетикъ можетъ любить искусство съ горячимъ убѣжденіемъ, но до извѣстнаго предѣла—до тѣхъ поръ, пока въ его мысляхъ не возникло желанія послѣднихъ обобщеній, и слова не стали слагаться въ разрывительные выводы. Тогда онъ дѣлается моралистомъ. Русскій эстетикъ боится повѣрить красотѣ до конца; его художническая гордыня смиряется передъ величіемъ нравственной проблемы...